

The cover features a background of autumn leaves in shades of red, orange, and green. A white silhouette of a person is overlaid on the leaves. The text is in white and black.

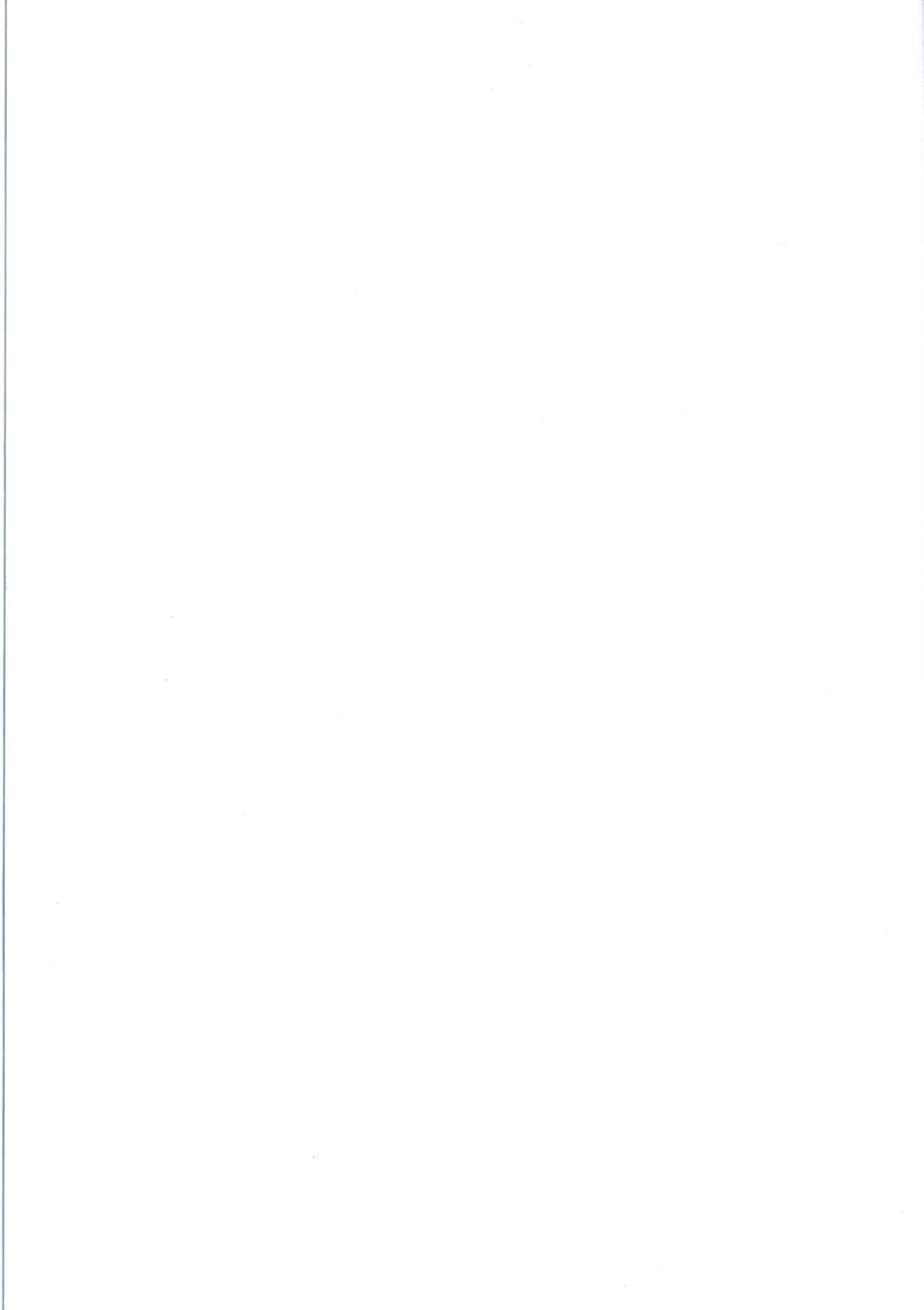
СТИХИ
И ПРОЗА

БЕРУ И ПОМНЮ

ТАТЬЯНА
КОПЫТОВА

Татьяна Копытова

Беру и помню

Стихи и проза

г. Санкт-Петербург 2020

 МЕДИА
ЛИРА

УДК 82-14. 82-36
ББК 84 (Рос-Рус)
К65

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателей запрещается.

Копытова, Т.Б.

К65 «Беру и помню». Стихи и проза / Татьяна Копытова. – СПб.: «МедиаЛира», 2020. – 96 с.

Этот сборник можно назвать «книгой длиною в сорок лет», потому что её поэтическая часть хронологически «рваная»: стихи Татьяна Копытова писала в юности – лет до 20-и, потом немножко – в 40, а вернулась к поэзии уже на пороге 60-летия. В сборнике стихи собраны в тематическом порядке и при этом – в хронологическом беспорядке, старые соседствуют с новыми. Гадай, читатель, когда что написано! Проза началась с «Журналистских баек», сюжеты которых автору – журналисту по жизни – рассказывала сама жизнь.

УДК 82-14. 82-36
ББК 84 (Рос-Рус)

© МедиаЛира, 2020
© Татьяна Копытова, 2020
© Все права защищены.

ISBN 978-1234-567-56-7

Стихи разных лет

Беру и помню

Пора уж в октябре, пора ненастью
Расхлябаться над грешною землёй!
Но нынче календарные напасти
Упорно нас обходят стороной.

Без куртки, без перчаток и берета –
Ну, разве что не ходим босиком!
Уже не бабье – бабушкино лето
Нас радует октябрьским теплом.

В чем суть таких невиданных отсрочек?
Нам осень отдала всё, что могла:
Нежданный, ярко-радостный кусочек
По-летнему осеннего тепла.

Софиты солнца в танце листопада,
В лучах бликует паутины нить...
За что такая щедрая награда?
И как придётся за неё платить?

Всё зыбко. И в дождях утонет
Грядущий день – сюжет этот избит.
А солнышко мне тычется в ладони,
«Бери и помни!» – тихо говорит.

Воспоминание

Умывались лошади росой,
Раздвигая мордами траву.
Шёл мальчишка – рыжий и босой –
Не во сне, а в детстве, наяву.
Стрекоза – живой аэроплан –
Прилетала к мальчику с озёр.
Нанизав на лучики туман,
Поднималось солнце из-за гор.
Шёл мальчишка – с солнышком на «ты»,
А в руках – от радости ключи...
И к коленкам мокрым с высоты
Прилипали тёплые лучи.

Второе июля. Хмарь и морок.
В калошах тащусь по лету.
Где они, солнц сто сорок,
Прославленные поэтом?

День – как тень, без движенья.
Замерло всё цаплей.
Дождик без выраженья
То стихнет, то снова каплет.

Лето попутало сроки,
У лета ведь тоже – нервы...
Но завтра взойдёт на востоке
Солнце сто сорок первое!

Лось

Переходил дорогу лось
Тяжелыми шагами,
И эхо гулкое несло
Оврагами, лугами.
Неторопливо лось врубал
Могучие копыта,
Асфальт дрожал и – пел, звучал,
Как из свинца отлитый.
Казались сильные рога
Звериною короной.
Смотрел немного свысока
Король, в лесу рождённый.
Его ничуть не испугал
Чихающий автобус...
Ногами землю он толкал,
Раскручивал, как глобус.

Недотрога

Весь асфальт дождём залит,
Морщится дорога.
На окне опять грустит
Кактус-недотрога.
Загрустил не просто так.
Вот еще забота!
Это вовсе не пустяк,
Что обидел кто-то...
Очень просто у людей —
«Дрянь», если колючий.
От души лесной твоей
Потеряли ключик.
Хороши им все цветы,
А вот кактус — колкий:
Ни цветов, ни красоты,
Лишь одни иголки.
И ругают, и клянут,
Но понять бы суть им,
Что и кактусы цветут
В благодарность людям.

Бывает миг вечерней тишины,
Когда по небу сепией мазнуло,
Сползли лениво тени вдоль стены
И старый дуб нахохлился сутуло.

День вычерпан по капельке, до дна,
В жару его всегда бывает мало.
Ни шелеста, ни звука – тишина
Застыла обречённо и устало.

И только чутко, шлейфом над землёй,
Мерцает звук из тысяч многоточий:
Стежками частыми, тончайшею иглой
Кузнечик августу рубашку строчит.

Миг обуздания восторгов и стихий.
Граница между вечером и ночью...
Так лето отпускает все грехи,
Но жизнь уже недолгую пророчит.

И посреди нездешней тишины
Замру и я, как в миг благословенья,
Чтоб получить и ощутить прощенье
Даже за то, в чём нет моей вины.

Размахнулась осень –
Красок полон лес!
Будто кто-то сбросил
Радугу с небес.
А на краски эти –
Всё дожди, дожди...
Забывай о лете –
Холод впереди.
И хоть лес простужен
И дождям не рад,
Нужен, очень нужен
Этот маскарад.
Видно, надо лету
Свой наряд сменить,
Яблоньку-принцессу
Золотом облить.
Солнечную шалью
Принакрыть листву,
Чтобы все гадали:
Сон ли, наяву?
Застелить дорогу
Огненной листвой
И продлить немного
Жизни торжество.
Чтобы сердце наполнил

Свет любви опять,
Чтоб никто не вспомнил:
Скоро умирать...
Осень не обманет.
С верою в тепло
На душе вдруг станет
Тихо и светло.

Сентябрь

С немой покорностью свечи
Сгорает солнце.
День бездонный
Мелеет вдруг, и я ладонью
Ловлю опавшие лучи.
Листва болезненно светла,
И журавлями бредит небо.
Сентябрьская быль и небыль
В тупик сознание завела.
Не знаю – плакать или петь?
Уже весна ночами снится...
И мысль, как пойманная птица:
Моя, но рвётся улететь!

Грустная песня

Осень придёт, старая грусть
Станет вдруг болью острой,
Резкой опять, сильной... И пусть.
Осень и грусть – сёстры.

Клин журавлей небо пронзит,
Ветвь под ногой хрустнет.
Короток стал солнца визит –
Тихий и скромный. Грустно.

Стянет любовь плечи свои
Осени шалью пёстрой.
Грусть побредёт тенью любви,
Осень и грусть – сёстры...

Долбанёт по темечку:
Фьить, фьить, фьить...
Сыплю птицам семечки:
Жить, жить, жить!..

Холода-охальники...
Птахам – мор.
Кормит птичек маленьких
Весь наш двор.

А кормушка – домиком.
Красота!
Каждый сыплет толику –
Всё еда!

Птаха, ты насвистывай!
Фьить, фьить, фьить...
Чтоб с душою чистою
Нам жить, жить.

Меряю я жизнь свою апрелями,
Ниточками быстрых ручейков,
Первыми апрельскими капелями,
Песнями призывными скворцов.

По утрам – последними морозами,
Лютиками в девичьих руках,
Молодыми, стройными берёзами,
Соком, побежавшим в их ветвях.

Я в апреле будто просыпаюсь,
Радуюсь за первую траву.
В синий воздух с головой бросаюсь....
От апреля до апреля я живу.

Узоры

Конец. Последние мазки.
Зима уходит от холста.
И с лёгкой ветреной руки
Снега белы – душа чиста.

Весна натянет чистый холст
И краски выберет смелей.
Узор весны довольно прост:
Изломы чёткие ветвей,

Небес бездонных высота
И грязь дорожной колеи,
И вдруг ожившая мечта
С весенней жаждою любви.

Ромашка из гербария

Из-под целлофана —
Высушенный взгляд.
Словно из тумана.
Потускнел наряд.
На уроке в школе,
Будто в первый раз,
Смотришь из неволи
Грустно ты на класс.
Ты теперь — пособие:
Лепестки, пыльца...
Прелести особые
У жизни без конца.
Пылью годы множатся —
Ни добра, ни зла.
Ничего не хочется,
Мимо жизнь прошла.
...Вечная старушка,
Распята на листке.
Уж лучше быть веснушкой
У лета на щеке!

Свой у осеннего солнца
Зыбкий, струящийся свет.
Светел до самого донца
Листьев воздушный балет.

Он без афиш и билетов,
Огненный этот дебют...
Листья летят над планетой,
Нет, не летят, а плывут.

Кружит в загадочном танце,
Вьётся рябиновый лист.
Жарко пылая багрянцем,
В танце живет лишь: артист!

...Дворник похмельный, усатый
Хмуро пройдет по двору,
В кучи сгребая лопатой,
Листья сожжёт поутру.

Вьюга

Не баховская fuga
Хохочет за окном –
Вздыхает шумно вьюга
Неведомо о чем.
И всхлипывает гулко
Одна в пустой ночи,
Трепещет в переулке,
Как пламя у свечи.
И вертятся кварталы
С подсветкой изнутри...
На темноте усталой
Распяты фонари.

Зима

В грязь упадёт ничком,
Ветрам холодным внемля,
Как бабочку сачком
Накроет снегом землю.
Притихнет, затаясь,
Запрячется под елью,
Но вдруг, почуя власть,
Пойдет плясать метелью.
Засвищет, запоёт,
Летя пургою-птицей,
Степенно в лес войдёт
Царевной-кружевницей.
Аукаясь в лесах,
Рассыплет щедро иней,
Этюд на проводах
Напишет воробьиный.
Обнимет ветерком,
Морозом поцелует,
То бросит вдруг снежком,
То вьюгою подует.
И всё в её руках –
Земля и воздух синий...
Шагает, вся в снегах,
Улыбку пряча в иней!

Октябрь

Полупрозрачные, нагие
Деревья в ожиданье снега.
А ты зовёшь меня богиней
В какой-то полусонной неге.

Есть я и ты, и наша осень,
Губ пересохших нежный трепет,
И что ни скажем, что ни спросим –
Не так всё будет, не об этом.

И от предчувствия полёта
Душа зайдетса, как от бега,
И будто в ней взорвётся что-то...
А голый лес томится снегом.

Кому-то – время для кочевья.
Кому – добраться б до ковчега.
Октябрь. И чувствуют деревья
Корою приближенье снега.

Не солгали, не убили,
А всего лишь разлюбили,
Не спеша расколотили
Мы своё житьё-бытьё,
По-хозяйски разделили:
Это – мне, а то – твоё.
Размахнулись, разрубили –
Полнадежды, пол-любви...
Прежде вместе слезы лили,
А теперь – твои, мои.
Где делилось – разделили,
Не делилось – распилили
Или вдребезги разбили...
Никогда и не любили.

Эхом старой любви
Захлестнёт бабье лето.
Укради, позови –
Нет сегодня запретов.
Дай в ветвях твоих рук
Свить гнездо на мгновенье,
Всё за годы разлук
Мне отдай в день осенний.
Дай взлететь и упасть,
Дай разбиться о скалы,
Криком выплеснуть страсть,
Боль любви запоздалой,
И уткнуться в плечо,
И секунды – за вечность...
День сгорает свечой,
А за ним – бесконечность.
Терпкий вкус редких встреч:
Две судьбы, две дороги...
Нам бы их пересечь
У любви на пороге.
Но на прежний свой круг
Жизнь уже не вернётся.
Эхом прошлых разлук
Лето мне отзовётся.

Обо мне не вспомните
В радости, в бреду.
Как в чужую комнату
В вашу жизнь войду.
Горечь одиночества,
Слёзы – впереди.
Хочется, не хочется –
Не смогу уйти.
И, молвой развенчана,
Настежь вся, как есть,
Квартиранткой вечною
Я останусь здесь.

Так любить – безрассудно, неистово –
Божий дар иль проклятие божие?
Или мне дано познать истины,
Что других лишь подспудно тревожат?

А я скучаю по тебе, скучаю...
Как пытку новый день встречаю,
И зябкость вечера вобрав плечами,
До боли, до безумия скучаю.
Тоскую, как забытая у трапа
Хозяином доверчивая псина,
И плачу, когда можно и не плакать,
И золотую проклиная середину,
Когда и волки сыты, овцы – целы,
Когда мы оба – боже мой! – в порядке:
При доме, при семье, при деле,
И можно жить всем этим, без оглядки.
Но и у середины есть начало.
И я скучаю по нему, скучаю.
А встреч случайных безнадёжно мало.
Я не живу, я по тебе скучаю.

Без горя детство, без забот
Цвело из лета в лето,
И был Серёжка – Дон Кихот,
И Санчо Панса – Света.
Им беды были нипочём –
Ни грусти, ни печали.
Из палки сделанным мечом
С польнёю воевали.
Но жизнь торопится вперёд,
И все спешат за нею.
И стал Серёжка-Дон Кихот
Серьёзнее, взрослее.
Ему теперь не до игры:
Сквозь вешние туманы
Горят, пылают глаз костры
У Санчо – у Светланы.
Вокруг волнуется весна,
А он молчит, краснея,
Ведь для него давно она
Не Санчо – Дульсинея.

Знаю, уже не уснуть.
Напрасно подушку комкаю.
Лучше уж крест на грудь,
Да в голос, перед иконкою
Выкричать всё, не боясь
Прослыть перед Богом слабою,
Выплакавшейся навзрыд,
Брошенной, глупой бабою.
И – на кровать, ползком,
Под одеялом спрятаться.
И – не испугаться днём
Глаз нарисованных святости.

Буду я плясать, плясать,
Так, что слёзы высохнут,
Будут искры отлетать
От паркета лысого!
Это музыка за нас
«За» и «против» взвесила.
Оглянись в последний раз —
Без тебя мне весело!

Немыслимо – быть не с тобой.
Быть кем угодно – не собой.
Всё это называть судьбою
И сердца слушать перебои.

Уж не любитя, не танцуется,
И душа спит безгрешным сном.
Но зато как-то влать кукуется
Мне на даче вдвоём с котом.

Домик есть, огородик с банькою
И почти на сотку – цветник.
Травку дёргаю спозаранку я.
За водой хожу на родник.

Говорю по душам с рассадою,
С чувством слушаю соловья.
Никуда не спешу. И рада я,
Что теперь эта жизнь – моя.

Куража нет в крови горячего,
Суматошных деньков не жаль.
Им на смену приходит вкрадчиво
Пенсионная пастораль.

...Когда ночь накрывает улицу,
Забываюсь всё тем же сном:
В нём танцуется, ох, как любитя
И летит душа кувырком!

Я каждый раз прощаюсь навсегда,
Ведь годы – ненадёжное богатство.
И обещать, обманываясь, клясться –
Увы, у нас с тобой не те года.

Я каждый раз прощаюсь на века:
Наш век перевалил за половину.
Но не сгорю и мир я не покину,
Пока в твоей руке моя рука.

Я каждый раз прощаться не боюсь:
Мы просто проросли уже друг в друга.
И я уж не любовница – подруга.
Есть радость в этом, и немножко – грусть.

Я каждый раз прощаюсь навсегда,
Хотя всего мы недоговорили,
Не насмеялись мы, недолюбили...
Но светит нам вечерняя звезда.

Протру аккуратно тряпкой,
Поставлю на ту же полку
Твои домашние тапки –
Чтобы искать недолго,

Чтоб вечность минуты каждой
Успеть поделить на мгновенья:
От жажды – и снова к жажде,
От смерти – и к воскрешенью.

Время скользит на пальцах,
Крестиком жизнь вышивая.
Изо дня в день пылятся
Тапочки...
Протираю.

*«Если женщине не о чем помечтать перед сном,
ей не стоит просыпаться утром»
Подруга*

Устроившись под одеялом,
Лукаво подмигнув Луне,
Я перед сном всегда мечтала
Как все – о принце на коне.

Ко мне он, одержимый, мчался,
Сердца стучали в унисон...
И сразу сон мой начинался,
И я проваливалась в сон.

А поутру – и настроенье,
И лёгкость мысли, и задор.
Но годы вспыхнули мгновеньем,
И много лет прошло с тех пор.

Сейчас кручусь под одеялом,
Тяжелый подавляя вздох:
Ведь было дело – я мечтала...
И принц тот жив, и конь не сдох,

Но не могу, как ни пытаюсь,
Придумать перед сном сюжет:
Появится мечтаний завязь,
Но сразу вянет. Гаснет свет.

И, в комья сбивши одеяло,
Не научившись вновь мечтать,
Прошу от жизни очень мало:
Нет принцев – дай, хотя б, поспать!

Вселенская, почти без края
Захлёстывает душу грусть.
И без мечты я засыпаю.
Боюсь, что утром не проснусь.

Кошачьи сны

Случается, кошке приснится:
Бежит она рыси быстрей,
Что кошка, а вовсе не львица
Зовётся царицей зверей.
Что слабостей кошки не знают,
Храбры, величавы, сильны...
И в кошку отвагу вселяют
Поистине львиные сны.
Над ними не надо смеяться,
Пускай они даже смешны,
Ведь всем нам когда-нибудь снятся
Кошачьи бесстрашные сны.

Почти серьёзно

Всё, я думала, успею,
Всё, надеялась, смогу.
Только глупая затея –
Строить планы на бегу.

Жизнь, казалось бы, кипела:
То заботы, то дела...
Многого я не успела,
Ещё больше – не смогла.

Как шальные, очумело
Убежали прочь года.
Жить, как лучше, я хотела,
Получилось – как всегда!

Приходила осень и снимала листья.
Улетали птицы и роняли перья.
Уходило детство – думалось, мне первой
Жизнь преподавала беспощадность истин.

Безнадёга, безнадёга,
Ты не торная дорога,
Не тропинка у порога,
А тупик.
Блѣклый, измождѣнный, строгий
День, пропитанный тревогой.
Плоть сковала безнадёга
Без вериг.
Много боли, очень много...
И душа, как от ожога,
Корчится, ища подмогу.
Нету сил.
Проведѣнные убого
Годы мстят мне безнадёгой,
И с мольбой прошу у Бога,
Чтоб простил.

Призывники

В парикмахерской – очередь.
Подстригают «под ноль».
И мальчишки не очень-то
Возмущаются.
Коль
Им подстричься к десятому
Приказал военком,
Хоть тянули с ребятами,
Отложив на потом,
Хоть девчонок стеснялись –
Их распахнутых глаз,
Но с кудрями расстались...
Ведь приказ есть приказ.
Тихо бродят по улицам,
Стиснув руки друг.
Мамы, папы волнуются,
Столько нового вдруг!
Опечалились дочери,
Повзрослели сыны.
В парикмахерской очередь –
Строй парней у стены.

Родная гавань

Выстругивали, из чего могли:
Из щепок, из коры сосновой –
Весною ранней эти корабли
Нам становились жизненной основой.

Ручей летел стремглав в конец села,
И так же одержимо мы летели:
Ведь рядышком флотилия плыла,
Крутась в бурунах и садясь на мели.

И каждый, вызволяя свой фрегат,
Воды весенней сапогами хапал
И раз, и два, и много раз подряд...
К концу похода откровенно плакал –

Не потому, что ноги стали льдом,
Страшнее то, что «мама заругает».
И «гавань» оставляли на потом,
Ведь отчий дом стоит, не уплывает.

Когда же загоняли всех домой –
Сводили цыпки, парили в горчице,
Стихал у мамы боевой настрой,
Отец тайком улыбкою лучился.

...Опять текут в селе моем ручьи,
Но гавани родной здесь больше нету.
Она закрыта. В мраморе портреты.
И мама не ругается. Молчит.

В зоопарке

Жарко, очень жарко.
В тень ушли слоны.
В старом зоопарке
Все удивлены:
Почему в столице
Всем зверям на смех
Медвежонку снится
Белый-белый снег?
Он сказать не может
Да и сам понять,
Почему тревожит
Снег его опять.
Он из песен мамы
Знал, что есть она,
Дорогая самая
Снежная страна.
Ни куста, ни ветки –
Айсберги и льды.
Даже встретишь редко
На снегу следы.
Без конца и края
Снежные поля...
Там его родная
Белая земля.
Но отсюда слишком
Это далеко.

И тоскливо мишке,
Мишке нелегко.
С вечера не спится,
Всем зверям на смех,
А под утро снится
Белый-белый снег...

Мне не дано таланта созерцать.
Привычней – за любое дело браться,
Впрягаться сразу, сдуру наломаться
До чёртиков. Вот это благодать!

Распорядилась так природа-мать:
Одним работать жадно, до мозолей
Не из-под палки, а по доброй воле...
Другим – итог работы созерцать.

У неба в плену

Как обычно, восход занимался,
Закипая слезами росы.
А на небе щенок потерялся
Из созвездия Гончие псы.

Он покинул небесную стаю
На рассвете весёлого дня.
Захотел, как собака земная,
Жить, врагов своих лаем браня.

А еще захотел, между прочим,
Поохотиться, зайца загнать,
А не вслед за смуглянкою-ночью
Всё бежать, и бежать, и бежать.

До заката он где только не был –
Не нашёл для души ничего...
Знать, не нравится зайцам на небе,
Им лужайка дороже всего.

Пёс вернулся в небесную стаю,
Осознав, что у неба в плену.
По-земному, с неистовым лаем,
Он протяжно завыл на Луну...

Стихи о прохожем

Свою сознавая нелепость
(неслыханно – дождь в декабре!),
Он все же неистово, слепо
Дырявит сугроб во дворе.

Но дождику люди не рады,
Спешат поскорее домой:
Им, людям, сюрпризов не надо
Привычно холодной зимой.

...Но кто это, кто? И откуда
Бредёт под дождем не спеша?
Открыта хоть горю, хоть чуду,
Распахнута настежь душа.

И он, на других не похожий,
Совсем не стремится домой,
Твердит, улыбаясь, прохожим:
– Смотрите-ка, дождик грибной!

Не верят, бегут под зонтами.
А он сразу после дождя
Сугроб разгребает руками
И плачет, грибов не найдя.

«Добро пожаловать!»

Надпись на мусорном контейнере в г. Гурьевске

Среди побед и достижений прочих
В стране, где стыд и разум не в чести,
Мы стали мусор убирать с обочин
И каждодневно улицы мести.

И, азбуку освоивши едва ли,
Но креативно щерясь во весь рот,
«Добро пожаловать!» намалевали
На мусорках – такой вот поворот.

Из будущего будто похоронка.
Так написать – бездумно и легко –
Не разум мог, а тухлая душонка,
Пустая, и – с игольное ушко.

В стране, где чванство днюет и ночует,
Нет дела никому ни до чего:
Контейнер из двора во двор кочует,
Пожалуйте, пожалуйста, в него!

Пока царит инаковость такая,
Хоть бомж, хоть пёс бездомный – не грусти:
Перед тобой открыли двери рая
И приглашают вежливо пройти.

И я боюсь, чтоб дальше люд не мучить,
Как панацею нам от всех невзгод
«Добро пожаловать», иль «Welcome» – это круче –
Напишут у кладбищенских ворот.

Артистка

Когда в зоопарке становится тихо
И солнце плывёт на покой,
Танцует слониха, большая слониха,
Кивая смешно головой.

Но звуков привычного вальса не слышно.
Слониха уснёт до утра.
В родном ее цирке она стала лишней,
А всё потому, что стара.

И часто ей снится, когда засыпает,
Тот цирк – её слава и взлёт.
...Но старые ветер афиши срывает
И в ключья безжалостно рвёт.

*

Крещенское

В очереди люди
За святой водицей,
С думами о чуде...
Я ж... Да так, не спится.

Вновь стихи кропаю
Этой длинной ночью,
Душу в кровь сдирая
Откровеньем строчек.

Над бумагой белой
Дам я ей умыться,
Робко и несмело,
Как святой водицей.

Помолчу о многом.
Разберусь с грехами.
Пред людьми и Богом
Повинюсь стихами.

В горе к друзьям не пойду,
В праздники шумные – тоже.
Пусть незнакомый прохожий
Будет со мною в беду.

Всё я ему расскажу,
В чём ошибалась – не скрою,
Сердце своё успокою,
Душу свою ублажу.

Знаю, король будет гол,
Наши не сблизятся души.
Но для меня – лишь бы слушал.
Лишь бы, дослушав – ушёл.

В горе и радость – одна.
Что же такое творится?
То ли друзьям не верна,
В них ли боюсь ошибиться?..

Когда-нибудь...

Когда-нибудь стану разумной,
Солидной, серьёзной вполне,
И слишком уж мудрой и умной
(как это покажется мне).

И уж беспричинно смеяться
Не стану. Покой полюблю.
И дождиков буду бояться –
Наверное, зонтик куплю.

Тогда разберусь и сама я,
Кто плох или, может, хорош.
Скажу, недовольно вздыхая:
Не та, мол, пошла молодежь!

Наверно, когда-то кого-то
Чему-то решу поучить...
Но только такую мне что-то
Нисколько не хочется быть!

Над баней к исходу лета
Ковшиком – Большая Медведица.
Блуждает по зною где-то,
В августе возьмёт – и прилепится.

И восхищаюсь, немея,
Звёздной твоей геометрией,
Смотрю каждый день, болею –
Августовское поветрие.

Спускайся ко мне, Большая,
Я баньку топлю неслабую,
На каменку поддавая,
Себя ощутишь ты бабою

Распаренной, разморённой
От пяточки и до макушки,
Любимую и влюблённой.
Отмоешь звёзды-веснушки!

Намылась? Давай на крышу,
Там без тебя – бездна чёрная.
Увижу, даже услышу –
Баней тебя истомлённую.

Ты на меня хоть чуточку
Плесни из ковшика звёздного...
Поверю, хоть на минуточку,
Что мне не всё ещё поздно.

Разгоню в субботу пирогами
Зимнюю белёсую тоску:
Сделаю с картошкой и с грибами,
И с повидлом тоже напеку.

И, укутав полотенцем белым,
Пирожки пристрою на столе,
Им чтоб, от начинки полнотелым,
Дольше оставаться бы в тепле.

А сама всё буду то и дело
Трогать чайник – не остыл ли чай,
И бросать украдкой, несмело,
Взгляд в окно – как-будто невзначай:

Вдруг родной до выкрика, знакомый
Силуэт увижу на свету?..
И весь день сидеть я буду дома –
Делать вид, что никого не жду.

А когда в часах устанет стрелка
Для меня минуты отбивать,
С пирогами я возьму тарелку
И пойду соседей угощать.

Поздний гость

Как устала я быть строгой!
Вы простите, небеса,
Но у гостя на пороге
Акварельные глаза.

Робко шаркнет башмаками,
Извини, мол, что пришёл.
Улыбнусь, пожму плечами
И пойду накрою стол.

И нескудным станет вечер
С разговорами под чай –
О высоком и о вечном,
Про посев и урожай.

И теплее станет сразу,
И истает в сердце грусть,
Хотя я твои рассказы
Уже знаю наизусть.

Ты и я по полувеку
Разменяли по рублю...
Ухнем в волны, в ту же реку!
Я тебя почти люблю.

Так громко и некстати
Часы пробьют.
По брёвнышку раскатят
Былой уют.
И я в пустой квартире –
Как в страшном сне.
В пустынном этом мире
Ты нужен мне.
Считала – сердце рядом,
Лишь ты – вдали.
Ошиблась я. Отрядом
На юг – журавли.
Кто ж отправляться станет
Один в полёт?
Темно и больно. Память
В тиски берёт.
Прокрутит всё сначала
Немым кино.
Тебя я потеряла
Давным-давно.

Со своей колокольни

Беспардонно, раздольно,
И с утра до утра
На моей колокольне
Правят балом ветра.
Вверх крутые ступени –
Я взбираюсь по ним
Уязвимой мишенью
Под прицелом чужим.
Этот путь многотрудный –
За ступенью ступень.
Только в праздность из будней
Тянут скука и лень.
А еще гнев и зависть,
Равнодушия штиль,
Лицемерия завесь...
И шепчу я: осиль,
Пробираясь окольно,
Предаёшь ты себя:
Нет твоей колокольни –
Значит, нет и тебя!
Мне б смотреться достойней,
Вверх стремясь. Не смогла.
Но, содравши ладони,
Доползла я, дошла!
Всё! Конец марафонам!

Умываюсь дождём.
Но не истиной – звоном
Колокольный бьёт дом.
Значит, участь такая –
Правдой собственной жить.
Значит, только себя я
Вправе жестко судить.

*Рассказы,
миниатюры,
журналистские байки*

За цветами

Лена приложила карточку, хитрое устройство весело пикнуло – платёж прошёл.

– Спасибо, – улыбнулась она кассиру и начала складывать покупки в пакет. Хлеб, кошачий корм, гречка, молоко в пластиковом пакете... Вдруг потечет?

– Вы не могли бы дать мне мешочек? – взглянула она на девушку-кассира, которая уже начала пробивать покупки следующей покупательницы – толстой неухоженной бабищи лет так вокруг пятидесяти возрастом и вокруг ста пятидесяти весом.

– Конечно! – девушка оторвала мешочек от упаковки и протянула Лене.

– Спасибо, – Лена взяла мешочек и начала засовывать молоко в полиэтилен.

– Расспасибкалась тут, только время отнимаешь! Ей, – бабища кивнула на кассира, – положено самой молоко класть в пакет, ей за это деньги плóтят! А ты ей – спаси-и-бо! Лучше проверь, на сколько обсчитала! – зло и одышливо выкрикнула толстуха.

Лена взяла покупки, и, сочувственно улыбнувшись кассиру, пошла к выходу. Шагнула в морозное марево, натянула перчатки, повыше застегнула молнию костюма-«горнолыжки» и направилась к дому. «Несчастливая тётка... За что ж она так на весь мир озлобилась? А расспасибкалась – инте-

ресное слово... Знала бы ты, тё-те-нька, – про себя нараспев протянула Лена, – что много «спасиб» не бывает...» И под хруст снега под ботинками унеслась воспоминаниями – радостными, но и щемяще-болезненными – в детство.

...Это был поселок. Все живущие здесь любили подчеркивать: именно не деревня, а поселок, причем даже по официальному статусу. Прямые улицы, двухквартирные, как тогда говорили, «казенные» дома. Туалет на улице, но вода и отопление в домах есть. Есть медпункт, столовая, клуб и школа. Поселок был молодой, без истории, и жили в нем люди по большей части молодые. Мужчины работали на карьере, где добывали огнеупорную глину, а женщины – где придется. Отец Ленки работал механиком на карьере, а мама – учителем начальных классов в школе. Это были времена, когда учитель был человеком уважаемым уже в силу профессии, и учителя – их было в поселке человек семь – держались вместе, дружили семьями, вместе радовались праздникам, помогали в горе. По очереди собирались друг у друга, «в складчину» накрывали стол, пели песни. Когда очередь доходила до их дома, Ленка знала: им с братом надо сидеть в своей комнате мышками, к взрослым не лезть, если зашли к ним в комнату с подарками – поблагодарить, в общем, быть воспитанными детьми. Лена в свои шесть лет считала себя девочкой воспитанной: заповеди спрашивать разрешение, прежде чем что-

то взять или пойти на улицу, поделиться угощением с братом, мамой, папой и бабушкой, сказать «спасибо» за подарок – выполнялись ею неукоснительно. А как иначе-то? Мама строгая, попробуй не послушаться! Такое даже в голову не приходило!

Небеса уверенности в своей воспитанности разверзлись 8 сентября, в папин день рождения.

Здесь необходимо небольшое отступление. Хоть поселок был молодой, и жили в нем сплошь молодые, годы-то были 60-е. А это значит, что до провинции многое доходило с большим опозданием. Виктория, садовая клубника – ягода, которую сейчас только ленивый не выращивает, росла только у стариков Вязниковых, и ребятишки висли на заборах, чтобы хоть глазком взглянуть на ягоду, которая, по рассказам счастливых, даже вкуснее малины. А по Ленкиным представлениям, которая викторию не пробовала, разве могло быть что-то вкуснее малины?! Врут!

Почему викторию не разводили другие – вопрос. Скажи в те времена, что у нас можно выращивать розы – засмеяли бы. Да и других цветов особо не было: Ленка по детству знала только ноготки да нечёсану барыню, которые по прошествии лет оказались календулой и космеей. В общем, огород у них был, а цветов не было! Зато они были у Ольги Ивановны, директора школы: светящиеся на солнце золотые шары, бордовые, ярко-желтые и розовые георгины – высокие, с тонкими лучиками ле-

пестков. Для Ленки, которая не знала названий, они были просто ЦВЕТЫ – вот так именно, большими буквами, потому что они были красивы до невозможности и представлялись ей пришельцами, не иначе.

В папин день рождения мама отправила Ленку к Ольге Ивановне за цветами – та пообещала букет. Сердце вздрогнуло дважды: к директору школы! за цветами! Ленка оттерла с мылом руки и поплескала воды на лицо. С руками получилось плохо: ввешаясь чернота холодной водой почти не отмылась, но с лицом было получше. Вытершись и глянув в зеркало, Ленка осталась довольна результатом. Кофточка и шаровары, которые бабушка для внуков строчила сама, конечно, тоже подкачали: с утра ходили с пацанами играть на старые отвалы, и сейчас пятна от глины мраморно украшали штаны снизу доверху, да и кофте досталось, особенно рукавам. Ладно, главное, что руки чистые – ведь ими цветы брать!

Ольга Ивановна жила, по Ленкиным меркам, далеко – через четыре дома, по другой стороне улицы. Ленка шла сначала по своей стороне, пройдя переулок, перешла на другую. Как назло, никто не попадался на дороге – так бы рассказала, что идет к Ольге Ивановне за цветами для папы. Как ни крутила головой, как ни замедляла шаг – никого! Чем ближе был дом Ольги Ивановны, тем сильнее бухало сердце, его просто распирало от гордости, да и

от страха тоже. И вот – калитка. Ольга Ивановна была в палисаднике.

– Здравствуй, Леночка! Проходи, сейчас нарву цветов.

Ленка кивнула, бочком просочилась в калитку и встала возле нее как в почетном карауле.

– Значит, папе решили цветы подарить? Сейчас самые красивые выберем.

Ольга Ивановна срывала цветок, прикладывала к уже сорванным, поворачивала букет во все стороны, любуясь и оценивая, чего не хватает, и потом рвала следующий... А Ленка стояла, боясь дышать.

– Красивый букет получился! – в последний раз покрутив цветы в руке, улыбнулась Ольга Ивановна. – Вот, возьми, – протянула она Ленке букет.

– Давайте... – Ленка двумя ладошками обняла сочные стебли и бочком выскользнула из калитки. Ну, вот, самое ужасное позади. Директор – а вовсе не страшная... И разговаривала. И цветов дала. Обратно Ленка шла медленнее, то и дело оставливалась, наклонялась, будто застегивает ремешок на сандалиях, хотя с обувкой никаких проблем, как назло, не возникало. Ну, хоть кто-то, посмотрите, какой у меня букет! И иду я не просто так, а от Ольги Ивановны! Но улица была пустой, глухой и незрячей, даже собаки не лаяли.

Мама обрадовалась букету:

– Вот молодец Ольга Ивановна! Какой букет собрала! А ты спасибо ей сказала?

И вот тут эти самые небеса над Ленкой и разверзлись: дыхание перехватило, в глазах заплясали противные мушки, а руки, все еще державшие букет, стали тяжелыми и непослушными. Она не сказала спасибо!

– Не сказала спасибо? – уже совсем без радости спросила мама.

Ленка смогла только чуть крутнуть головой – нет...

– Возвращайся и скажи Ольге Ивановне спасибо! И извинись, что сразу не сказала, – мама выдернула букет из ставших каменными рук.

– Я не пойду... – еле выдавила из себя Ленка.

– Почему не пойдешь? Ты виновата – значит, надо исправлять свою ошибку. Пойдешь!

– Не пойду!.. – Ленка уже ревела навзрыд, размазывая слезы по лицу, но жалеть и утешать ее никто не собирался. Это была её первая и последняя истерика в жизни. Она рыдала, то и дело переходя на какой-то непотребный вой, плакала от стыда, что забыла сказать спасибо, что сейчас она плохая. Плакала от того, что мама не любит ее, раз посылает на такой позор. И самое страшное – об этом позоре, унижении узнают и другие, и Ольга Ивановна тоже, и все перестанут считать ее хорошей девочкой, и Ольга Ивановна тоже – сразу после того, как она придет ей говорить запоздалое спасибо.

Когда все слезы вытекли, а на лицо перекочевали грязные разводы со штанов и кофты, мама сказала:

– Иди.

Не по-маминому сказала, как-то по-чужому. Даже на уроках как учительница она так не говорила. Ленка на ватных ногах вышла на улицу, сначала пошла по своей стороне. Окликнула соседка баба Дуся:

– Лен, ты кому такой красивый букет несла?

– Папе, – у Ленки снова защипало в носу.

– Молодец, красивый букет... А где взяла-то, у Ольги Ивановны?

Ленка, нырнув головой куда-то в себя, не ответив, поплелась дальше. Вот один дом пройден, второй, после переулка Ленка, спотыкаясь, перешла дорогу.

– Ленка, вечером пойдём снова на отвалы? – Сашка вынырнул из переулка и догнал ее.

– Уйди, никуда я не пойду! – выкрикнула Ленка, еле справляясь со слезами.

– Надо же, зазналась! Гордая! К самой Ольге Ивановне за цветами ходишь! – ухмыльнулся Сашка.

Это она никого не увидела во время своего торжественного шествия с букетом, а ее-то заметили многие, и от этого становилось только горше...

В глазах стало горячо, и Ленке хотелось, чтобы Сашка провалился на том самом месте, где сто-

ит, чтобы он замолчал хотя бы! Хватит ей уже позора! Она попыталась пнуть Сашку, но получилось только слабо лягнуть, и Сашка не провалился, но все же исчез в переулке, и Ленка потащила дальше. Ну, почему так всё быстро: уже третий дом, четвертый... Господи, как близко живет Ольга Ивановна! Ленка хотела еще идти и идти, лишь бы отложить на время свое покаяние.

– Леночка, что, цветы не понравились? – Ленка вздрогнула от голоса директрисы.

– Понравились. Только... Только, Ольга Ивановна... Только я забыла сказать вам спасибо... – голос у Ленки противно сорвался, а потом и вовсе пропал, уступив место рыданиям.

Замызганная, икающая и всхлипывающая Ленка обнаружила, что прижимается к объемистому и мягкому животу Ольги Ивановны, которая одной рукой прижимает ее к этому самому животу, а второй гладит по голове.

– Забыла – да мама напомнила. Для того и есть мамы. А ты успокойся, ты ведь свою ошибку исправила. А когда исправил ошибку – она уже не ошибка, да и второй раз ты ее не повторишь, – как-то совсем не по-директорски говорила Ольга Ивановна.

...Лена дошла до дома. Из подъезда вышел мужчина и, заметив Лену, придержал дверь.

– Спасибо, – улынулась Лена и шагнула в подъезд.

Таня - дура

Заболела. И это был не «противный грипп в носу», а что-то непонятное – болело все и сразу. А больше всего – душа, которую, как сказал поэт, будто «высасывали насосом». Врачи выдали больничный, прописали таблетки, но прошла неделя, а толку – чуть. Наверное, и правда, что все болезни – от нервов.

Про то, что душа болела больше, чем все остальное, врачи, конечно, не знали, но подруга Ленка была в курсе. «Тебе сейчас надо забыть про все свои проблемы, жить, как туристке – не думая ни о чем!» – увещевала она меня. Она же и потащила меня в рамках «туристической терапии» в сосновый бор – в парк на окраине города. Прошли к верхней ограде, где слева в углу есть проём, от которого идет в лес крепко натопанная тропинка. «Сейчас пройдем по тропе здоровья! По этой тропинке люди за водой на родник ходят, но не только. Видишь, у сосны вокруг площадка на снегу вытоптана? Здесь один мужик каждый день делает гимнастику», – Ленка по пути объясняла мне суть «тропы здоровья». «Но главное, зачем я тебя сюда привела – это сосна, которая дает энергетику. Ее нужно просто обнять и так постоять, думая о чем-то хорошем – и всё в жизни наладится! Сейчас я ее найду!», – и Ленка устремилась вперед, придирчиво осматривая каждую сосну. У меня разделить ее энтузиазм как-

то не получалось – тащилась еле-еле, то и дело оступаясь с тропинки в снег. «Нашла,шла, иди сюда!» – послышался зов подруги, и я доплелась к сосне, на которую та восторженно взирала. «Вот эта сосна! Обними ее, и почувствуешь, как ее энергия перейдет к тебе!» – буквально скомандовала Ленка. Вокруг сосны снег был утоптан – значит, и правда, люди пользуются этим чудным даром дерева... Я подошла, обняла сосну. Она была настолько мощная, что пальцы рук не сошлись. Может, и правда, ее мощь как-то помогает? Я немного подумала об этом, а так как больше думать ни о чем не хотелось, а постоять у дерева в угоду Ленке было надо, я просто взялась разглядывать причудливые узоры коры. И тут глаза уткнулись в надпись, вырезанную ножом на коре: «Таня – дура». На дереве, к которому Ленка привела меня – Таню – подпитаться энергией, было написано «Таня – дура!» Я смеялась так, как не смеялась уже много недель, а то и месяцев, и всю обратную дорогу мы с Ленкой то и дело вспоминали «терапевтическую» надпись на сосне, и снова принимались хохотать.

Впервые за много недель я крепко спала и утром встала с хорошим настроением. Таблетки, прописанные врачами, заканчивались, и я отправилась в аптеку. Совсем не знакомый дедок в соседнем дворе, увидев меня, разулыбался так, что морщинки на его лице взметнулись лучиками: «Девушка, а ты счастливая!» «Это почему?» – недоверчиво спроси-

ла я. «Так я ж тебе на пути с полными ведрами попался!» – лучики радостно подпрыгнули. Я глянула – и правда: дедок нёс два полных ведра ...мусора!

До аптеки я так и не дошла: счастливые ведь не болеют!

Гирька

Случилось это вовсе не в стародавние времена, а в те, которые кто-то не любит вспоминать, кто-то просто подзабыл, а кому-то и забывать нечего было – в силу рождения. Были это 90-е, как сейчас любят говорить, лихие. Лихо было у всех разное – у кого-то лихие деньги, у кого-то – лихие нравы, а кого-то это лихо подвело к тому, что только и думал, как выжить, чем семью накормить. В дефиците было всё. Да как всё – о существовании этого самого ВСЕГО мы тогда и не подозревали.

Сейчас к вечеру можно прийти на рынок и купить мяса. А тогда мясом в Гурьевске торговали только на базаре (который сейчас называют старым), и купить его можно было только с утра, ибо селяне на продажу привозили пару свиней да корову – вот и успевай! Понятно, что с этих трех убиенных животных ливера было всего несколько килограммов, он уходил влёт, сразу после открытия базара. Вот поэтому-то я, задумав пирожки с ливером, и приехала к открытию.

Торговцы мясом еще разгружались, а я была уже у прилавка. Усатый щуплый мужичок и его породная жена раскладывали товар. Она, быстро работая руками, улыбнулась: «Что хотите?» – «Ливера, и побольше», – ответила я, ощущая себя самой хозяйственной хозяйкой и прикинув, что заморозу ливер на балконе, благо, зима, а потом не надо бу-

дет охотиться за ним. «Да вот он у нас, в пакете, еще не разложили. Может, весь и возьмете? А то потом режь по полкило...» Пакет несколько превосходил мои даже самые смелые планы, но я решилась: «Давайте!». Мужичок бросил пакет на весы и бережно передал его мне. Рассчиталась и пошла на остановку. На полпути к остановке у пакета оборвались ручки, откровенно тяжелый он был. Видимо, печени много, она тяжелая – успокаивала я себя, зажав горло пакета в кулаке и втискиваясь со своей драгоценной ношей в автобус. От «Заводской» до дома шла с передышками – и пакет был тяжелый, и скользкие края вырывались из рук. Дошла, не разуваясь, из последних сил пробежала на кухню и грохнула пакет на стол. Он отозвался колокольным звоном. Усталость как рукой сняло: схватила пакет за доньшко, перевернула на стол. Вместе с вожденными печенкой, сердцем и легкими на столешницу бухнулась двухкилограммовая гиря!

Я не знаю, сколько тогда стоил килограмм металла – может, моя покупка и была выгодной с точки зрения денег, но мне-то нужны были пирожки! На всю зиму! Собрала субпродуктовые и металлические приобретения обратно в пакет, его сунула в свой, надежный, с хорошими ручками, и снова поехала на базар. Гнев кипел! Силы вернулись! Обличительные речи составлялись на раз-два!

...Подошла к прилавку, к продавцам, знакомым с утра, выгащила их пакет из своего, и его, родимый, бухнула об прилавок. Прилавок, обитый железом, отозвался не просто колокольным звоном – пасхальным! «Что это?» – удивились продавцы. «А вот вы мне лучше объясните, что это...» – начала возмущаться я, рассказывая, как с гирей стаскалась с одного конца города на другой, а потом – обратно. «Ой, миленькая вы наша, а мы уж думали, что пропали... Обыскались уже этой гирьки!» – запричитали продавцы: жена слёзу утирала, мужик усы себе чуть не выдрал. Оказывается, приехав торговать, они в администрации базара получили весы и гирьки, и последние, чтобы удобней нести, распилили по пакетам с мясом. И один из них, только начав торговлю, продали мне – вместе с ливером. А штраф за невозврат гири такой, что прибыли от торговли, считай, не будет...

Довольны остались все, потому что прибыль случилась у всех: у незадачливых продавцов потому, что не пришлось платить штраф, у меня – потому что деньги они вернули с лихвой, чуть не бесплатно покупка обошлась.

Домой возвращалась с более легкой ношей в руках и на душе. Пирожков, конечно, получится поменьше, чем планировала, но пирожок – туда, пирожок – сюда... Главное – гирька нашлась!

Запретный плод

Когда я училась в Кемеровском госуниверситете, кафедры журналистики там еще не было: будущие журналисты, как и остальные студенты, должны были осваивать полный курс филологии и преподавания русского языка и литературы, а журналистике они обучались дополнительно, на четвертой-пятой паре, когда остальные – просто филологи – уже отдыхали. И от педагогической практики будущих журналистов тоже никто не освобождал. На третьем курсе это была практика по русскому языку, и проходила я ее в школе №5 Кемерова. Мне достался четвертый класс: дети-ангелы, сплошь – отличники и хорошисты с примерным поведением.

Всё у меня получалось неплохо, студенткой я была прилежной, хотя свое будущее со школой никак не связывала.

... Темой предстоящего урока был разбор слова по составу. Вечером я уже дописывала план урока – корень, суффикс, окончание, когда заплакал шестимесячный сын. Я быстро черкнула в тетради: «Для примера – разобрать по составу слово ЯБ-ЛОНЬКА» и бросилась успокаивать ребёнка.

Утром бодро прибежала в школу, правда, настроение несколько сникло, когда узнала, что на урок ко мне собралась Цветкова – методист из университета, которая, несмотря на цветочную фами-

лию, была очень жесткой, бескомпромиссной, словом, печальной легендой филфака.

...Урок шел своим чередом: проверила домашнее задание, объяснила, как разбирать слово по составу. Дети-ангелы, сплошь – отличники и хорошисты с примерным поведением – меня радовали: бойко отвечали, вели себя примерно.

Красиво написав на доске заранее заготовленное слово ЯБЛОНЬКА, я вызвала мальчика, чтобы он разобрал это слово по составу, а сама пошла в конец кабинета. Дойдя до стены, обернулась на доску. «Сережа, да разве же в этом слове корень «яблѳ»?!» – искренне недоумевая, спросила я. На что мои дети-ангелы, сплошь отличники и хорошисты с примерным поведением – ответили такой бурей смеха, что я не сразу смогла их успокоить. Это сейчас даже от рассказа «Голубой щенок» ученики начинают переглядываться да хихикать, но это-то были 80-е годы, а ученики – дети-ангелы, сплошь отличники и хорошисты с примерным поведением...

За практику очень переживала – это же всё произошло на глазах у Цветковой. Но преподавательница с цветочной фамилией поставила мне за практику «отлично». Правда, потом студенты младших курсов рассказывали (уж не знаю, верить или нет), что на собраниях перед практикой она напутствовала студентов: «Только слово ЯБЛОНЬКА по составу не разбирайте!...»

До чего может довести доводчик

В серьезном учреждении, где люди платят за квартиру, месяца три назад сломался доводчик на двери. Никто его не чинил, но сотрудницы замерзали и от безысходности на входную дверь прилепили объявления примерно такого содержания: «Уважаемые посетители! Пожалуйста, закрывайте за собой дверь! Доводчик не работает». Причем таких объявлений, совершенно одинаковых, на одной двери было приклеено три – видимо, для простых людей, одаренных и особо одаренных. Меня удивляло, почему руководство, во-первых, позволяет загрязнять фасад здания листками, во-вторых, позволяет неуважительно относиться к посетителям (которым, получается, с одного раза непонятно), и, в-третьих, почему нельзя починить доводчик.

В следующем месяце ситуация изменилась. Когда я пришла платить за квартиру, доводчик так и не работал, но объявлений на двери, требующих их закрывать, не было. Но у самой кассы, на стекле, висел шедевр такого содержания: «Когда вы уходите от нас, закрывая дверь, мы смотрим вам вслед глазами, которые наполнены слезами благодарности». Стояла и думала: то ли закрыть дверь, чтоб девчата уливались слезами, то ли оставить открытой, чтоб не плакали?!

Как мы талоны отоваривали грантами

Над первым номером «Знаменки» с цветной обложкой мы бились долго и старательно: все было внове, непонятно, непривычно. Казалось, предусмотрели всё, но когда на Беловском полиграфкомбинате начали печатать тираж, выяснилось, что «не идут» шрифты в заголовках на первой полосе (бывает такое, когда вместо букв высвечиваются, как мы их называем, «зючки»). Добрые друзья-полиграфисты не стали возвращать газету на доработку, а сами «перебрали» заголовки.

В новостях у нас была информация о присуждении грантов лучшим педагогам, называлась она «Делим гранты по талантам». Полиграфисты то ли прочитали заголовок как-то не так, то ли не так поняли, но информация вышла под заголовком «Делим гранты по талонам».

Мы, затаив от ужаса дыхание, ждали возмущения читателей. Но ни одного звонка по поводу этого ляпа так и не поступило. Видать, распределение всех благ по талонам оказалось настолько привычным и близким нашим читателям, что и талонной системе на гранты они не возмутились...

Квартирный вопрос

Редакция переехала в другое здание, связисты сменили номера телефонов. Нам-то что: опубликовали в газете новые и живем! Но, как оказалось, освободившийся старый номер телефона-факса главного редактора связисты тут же «подарили» пенсионерке. Позвонила она через две недели.

– Знаю, что этот номер раньше у редакции был. Потому и названивают и днем, и ночью... Я, вообще-то, не против – живу одна, поговорить не с кем. Совсем не в обиде! Всё развлечение! А тут, знаете, вчера звонят и спрашивают: «Не можете ли вы принять факс?» Я растерялась, и всей душой бы им помочь хотела, но как? У меня ведь однокомнатная квартира! Одна-то живу – нормально, а если еще факс... В общем, отказала я им, вы уж не обижайтесь!

За нас – кто в море

Больше всего наград в нашей редакции у Вики Кудиновой – вся стена завешана грамотами, дипломами. Есть среди них и главная областная журналистская награда, которую, кроме нее, имеют всего пять журналистов области – диплом абсолютного победителя областного конкурса «Золотое перо».

Этим летом Вика написала репортаж о том, как моряки у нас празднуют день ВМФ. А для этого несколько часов ездила с ними: и в церковь, и на место установки памятного знака ВМФ, и на святой источник – попить из бескозырки. Репортаж написала. А через пару дней после выхода номера ворвалась в кабинет редактора, возбужденно размахивая листком бумаги, исписанным от руки:

– Всё! Грамоты снимаю, а вот этот листочек в рамочку вставлю и на стенку повешу!

Это была благодарность Вике от моряков. Начиналась она словами: «Мы, моряки всех 4-х флотов России...»

Столь представительного авторства благодарности мы не знали ни до того случая, ни после.

Мужчин мы любим, но...

Двадцать лет назад реклама на страницах нашей газеты только появлялась, и одной из первых ее стала размещать компания, продающая средство для увеличения потенции под названием «Йохимбе». К продвижению своего товара они подходили творчески: каждая заметочка имела заголовок, а то и лихо закрученный сюжет, в котором главному герою в конце концов чудодейственное лекарство помогает обрести мужскую силу. Представитель компании привозил нам их кучей, сразу на несколько месяцев вперед, а потом приезжал за отчетом – газетами с опубликованной рекламой. Из номера в номер у нас шли рекламные заметки «И пошел мужик по бабам...», «Решающий шаг в борьбе с мужским недугом», «Мужской импотенции – бой!» и т.д.

И тут одна из читательниц интересуется: а что это у вас за такая странная реклама идет? И тычет пальцем в газету, где красуется заголовок... «Мужской потенции – бой!» В общем, ошибочка вышла.

Приехал представитель компании, мы ему газеты отдаем, а эту, с мужененавистническим заголовком, спрятать пытаемся. Но отчет есть отчет, пришлось повиниться.

А он посмеялся и успокоил нас. Это, говорит, еще ничего. Вот в Н-ской газете было интересней.

В заметке «И пошел мужик по бабам» суть в том, что жена этому мужику стала неинтересна, он «пошел по бабам», а надо – в аптеку, за «Йохимбе», который очень поможет, и следом – адреса аптек, где его можно купить. Так в той газете кусок текста про лекарство пропустили, получилось: пошел мужик по бабам... и сразу – **ОБРАЩАЙТЕСЬ ПО АДРЕСАМ!**

Вот и парь после этого ноги...

Пошла в городскую баню. В парной на полкѣ сидит, вытянув ноги, пожилая женщина – остальным навверх не пройти. Женщины ей: вы бы посторонились. А она – коленки болят, надо попарить, вот и села так, а сама не могу. Я взяла у нее веник, от души, смачно попарила ей и коленки, и спину – и женщина осталась довольна, и затор на полкѣ рассосался.

Захожу второй раз в парную, там опять эта женщина. «Вы, – говорит, – ведь в «Знамѣнке» работаете?» – «Ну да», – говорю. – «А что же вы нынче ко Дню железнодорожника ничего про работников железной дороги не написали, – напустилась она на меня, – там ведь много хороших людей, а вы – ни слова», – и т.д. и т.п. Досталось мне от неё больше, чем ей от меня веником. Мы что – даже в бане журналисты?!

Каждый о своём

Рубрика-долгожительница в «Знамёнке» – это «Глас народа». Больше 10-и лет она не сходит со страниц газеты, и за это время наши корреспонденты о чем только не спрашивали своих земляков и каких только казусов не случалось!

Однажды мы решили спросить гурьян, кому и где они бы хотели в городе установить памятник. Люди, отвечая на вопрос, вспоминали имена тех, кто оставил заметный след в истории города, в качестве места установки называли площади, скверы. Один мужчина в годах, подумав, ответил: «Думаю, моему отцу». Почему? «Потому что он у меня воевал», – последовал ответ. А кому еще? «Матери, она нас пятерых родила, воспитала», – ответил мужчина. Корреспонденты, надеявшиеся все же услышать известные всему городу имена, не унимались и спрашивали дальше... А когда мужчина стал перечислять еще братьев и дядек, насторожились: «А где бы вы хотели, чтобы были установлены эти памятники?»

«Как где? На кладбище...» – удивившись тупости корреспондентов, ответил мужчина.

Любовь к газете не пропьешь!

Летом, часов в 10 утра субботы, захожу в автобус. На полу что-то разлито, навалившись лицом на спинку сиденья впереди, храпит пьяный гражданин... По-журналистки зачесались руки: куда кондуктор смотрит, что за безобразие в автобусе! Пока в голове крутились гневные строчки, автобус доехал до очередной остановки, пьяный встрепенулся, встал и, прижимая к груди свежий, еще пахнувший типографской краской, номер «Знаменки», двинулся к выходу.

И безобразия уже не стали казаться такими безобразными, я все простила и кондуктору, и этому мужчине. Это же надо: наверное, пил всю ночь, но отправившись утром с попойки домой, «Знаменку» купить не забыл...

Стал «кобыль» собакой

Три недели в газете шло объявление: «Продам двух кобелей с жеребятами». Содержание несколько смущало нас, но воля рекламодателя – закон. Через три недели в редакции появились мужчина и женщина нерусской национальности и робко спросили: почему им звонят и спрашивают, какой породы их собаки, хотя они продают «двух кобыль» с жеребятами, а собак у них и в помине нет. Хорошо, люди попались не скандальные, со следующей недели объявление звучало: продам двух кобыл с жеребятами.

Сейчас мы очень переживаем за объявление: «Продам дрова пиленые чурками».

Я тебя слепила из того, что было

Дело было еще в 90-х. Как-то, выйдя из отпуска, обнаружила в своей газете объявление: «Автомастерской требуется калосрит». Пошумела на коллектив, перед рекламодателем извинились, объявление повторили без ошибок – «требуется колорист», и, в общем-то, подзабыли об инциденте. Прошло месяца два, закончили делать газету, и я взяла в руки «Комсомольскую правду», где в те времена была страница «Антиреклама», и в ней рубрика – «Тоска объявлений».

Расслабилась – газета-то сделана, валяюсь на стареньком редакционном диване, читаю «Тоску объявлений», хохочу, девчатам зачитываю. Дохожу до конца, и хохот как-то сходит на нет, потому что там написано (привожу уже по памяти), что газета «Знамёнка» из Гурьевска предлагает новый вид материала для покраски автомобилей – и приводится злосчастное объявление...

Раз Мороз, два Мороз...

Это случилось в начале двухтысячных, когда еще редакция «Знамёнки» располагалась в здании районной администрации. Занимали мы там на первом этаже два смежных кабинета, окно одного из которых выходило на крыльцо. Окно большое, внизу – узкая фрамуга.

В последний рабочий день уходящего года, когда уже был выпущен новогодний номер, да и следующий уже обрел достаточно законченный вид, когда уже позади был редакционный корпоратив, мы с девушками открыли шампанское. Просто так. Настроение такое было. И как-то так душевно все это получилось, что мы разговорились-засиделись. Уже и мужья стали подтягиваться, и тоже присаживались с нами. В общем, в результате остались в здании мы и дежурная на входе. Сидит, скучает. А нам-то весело! Вот и пришла мысль развеселить дежурную. У нас были костюмы Деда Мороза и Снегурочки, мы в них наших редакционных детей ездили поздравлять. План созрел быстро, и столь же быстрым было его воплощение. Двое – мужчина и женщина – в костюмах Деда Мороза и Снегурочки выходили из двери редакции, проходя мимо дежурной, душевно поздравляли ее с Новым годом и выходили на улицу. В это время через фрамугу на крыльцо выталкивалась их верхняя одежда,

сумки, а «ряженые» быстро раздевались и проталкивали в кабинет костюмы Деда Мороза и Снегурочки. В эти костюмы одевалась следующая пара, шествовала мимо дежурной, поздравляла-желала, уходила, раздевалась, проталкивала костюмы обратно в редакцию, взамен получая свои куртки-пальто. Потом следующая, следующая... На пятом дефиле дежурная схватилась за голову: «Пятые пошли!..», а на шестом, последнем выходе выскочила на крыльцо. Долго вместе смеялись. И сейчас, когда встречаю эту женщину, какое-то новогодие душу наполняет, и она улыбается добро, праздник-то для всех получился!

Содержание

Стихи разных лет

Беру и помню.....	4
Воспоминание	5
«Второе июля. Хмарь и морок.».....	6
Лось	7
Недотрога.....	8
«Бывает миг вечерней тишины».....	9
«Размахнулась осень».....	10
Сентябрь.....	12
Грустная песня	13
«Долбанёт по темечку».....	14
«Меряю я жизнь свою апрелями»	15
Узоры.....	16
Ромашка из гербария	17
«Свой у осеннего солнца».....	18
Вьюга.....	19
Зима	20
Октябрь	21
«Не солгали, не убили»	22
«Эхом старой любви»	23
«Обо мне не вспомните»	24
«Так любить – безрассудно, неистово»	25
«А я скучаю по тебе, скучаю...»	26
«Без горя детство, без забот»	27
«Знаю, уже не уснуть.».....	28

«Буду я плясать, плясать»	29
«Немыслимо – быть не с тобой»	30
«Уж не любитя, не танцуетя»	31
«Я каждый раз прощаюсь навсегда».....	32
«Протру аккуратно тряпкой».....	33
«Устроившись под одеялом»	34
Кошачьи сны	36
Почти серьёзно.....	37
«Приходила осень и снимала листья»	38
«Безнадёга, безнадёга»	39
Призывники.....	40
Родная гавань	41
В зоопарке	43
«Мне не дано таланта созерцать»	45
У неба в плену	46
Стихи о прохожем	47
«Среди побед и достижений прочих».....	48
Артистка	50
Крещенское	51
«В горе к друзьям не пойду»	52
Когда-нибудь.....	53
«Над баней к исходу лета».....	54
«Разгоню в субботу пирогами»	56
Поздний гость	57
«Так громко и некстати»	58
Со своей колокольни	58

Рассказы, миниатюры, журналистские байки

За цветами.....	62
Таня – дура.....	70
Гирька.....	73
Запретный плод.....	76
До чего может довести доводчик.....	78
Как мы талоны отоваривали грантами.....	79
Квартирный вопрос.....	80
За нас – кто в море.....	81
Мужчин мы любим, но.....	82
Вот и парь после этого ноги.....	84
Каждый о своём.....	85
Любовь к газете не пропьешь!.....	86
Стал «кобыль» собакой.....	87
Я тебя слепила из того, что было.....	88
Раз Мороз, два Мороз....	89

Автор искренне благодарит

**Деменёва Дмитрия Юрьевича,
Черепенникову Татьяну Михайловну,
Лихову Людмилу Евгеньевну за финансовую
поддержку издания этой книги.**

ДЛЯ ЗАПИСЕЙ

Литературно-художественное издание

© Татьяна Борисовна Копытова

Беру и помню

Стихи и проза

Главный редактор: Глеб Стафеев

Художественный редактор: Анна Саянова

Корректор: Юлия Татьяна

Верстка: Александра Гончарова

Дизайн: Дмитрий Лукин

Отпечатано в ООО «Нордмедиздат» г. Санкт-Петербург, пр.

Стачек, 45, корп.3. Юр. адрес:

Редакция «Литературный МИКС»,

г. Санкт-Петербург, Лиговский проспект, 56, оф. 100.

Свидетельство о регистрации

СМИ ПИ №ФС77-35381 от 17 февраля 2009

Возрастное ограничение печатной продукции 16+

Подписано в печать 27.02.2020 г.

Формат 130*180 мм. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 100 экз.

БИОГРАФИЯ

Татьяна Копытова родилась в 1960 году. 33 года отработала в газетах Гурьевска: корреспондентом в газете «Знамя Ильича», редактором газеты «Металлург» Гурьевского металлургического завода, и почти 22 года была главным редактором газеты «Знамя», которую сделала «с нуля». Член Союза журналистов России.